

Руслан Галимов

СКОРАЯ

По сигналу
ВЫЗОВА

Руслан Галимов

По сигналу вызова

<https://litres.ru/74290118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история — о водителе скорой помощи, который знает город по его дыханию: по тревожным огням светофоров, по запахам утренних улиц, по лицам людей, мелькающих за окнами машины. Он привык быть на заднем плане — надёжный, спокойный, всегда готовый тронуться с места по первому сигналу. Его работа — быть мостом между опасностью и спасением.

Но однажды он понимает: самое трудное спасение — это спасти собственное сердце от молчания.

Содержание

Предисловие	4
Тени на спидометре	7
Под вой сирен	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

По сигналу вызова

Предисловие

Эта повесть — искренняя дань уважения Рэю Брэдбери, моему любимому автору. Его творчество научило меня видеть волшебство в обыденных вещах: ценить мгновения так же трепетно, как целые эпохи, и верить, что самые важные истории начинаются не с громких событий, а с тихого бие-ния сердца.

Брэдбери обладал удивительным даром: он умел превращать воздух в поэзию, запахи — в воспоминания, а мгновения — в вечность. Он напоминал нам, что счастье может скрываться в самых простых вещах: в запахе свежескошенной травы; в отблеске заката на мокром асфальте; в улыбке случайного прохожего.

Он учил нас замечать, чувствовать, дышать полной грудью — и писать так, чтобы читатель не просто следил за сюжетом, а проживал историю вместе с героями.

В этой книге я попытался перенять эту магию. Здесь нет эпических сражений, космических кораблей или фантастических миров. Вместо этого — город в мае, запах молодой листвы, смех детей у школы, блики солнца на лобовом стекле скорой помощи. И один человек, который впервые реша-

ется сказать правду о том, что живёт у него внутри.

Есть истории, которые живут в нас задолго до того, как обретают слова. Они прячутся: в случайных взглядах, задержавшихся на секунду дольше обычного; в паузах перед ответом; в неловких улыбках, которые мы торопимся спрятать.

Такие истории не кричат — они шепчут. Тихо, настойчиво, день за днём.

Эта история — о водителе скорой помощи, который знает город по его дыханию: по тревожным огням светофоров, по запахам утренних улиц, по лицам людей, мелькающих за окнами машины. Он привык быть на заднем плане — надёжный, спокойный, всегда готовый тронуться с места по первому сигналу. Его работа — быть мостом между опасностью и спасением.

Но однажды он понимает: самое трудное спасение — это спасти собственное сердце от молчания.

Она — фельдшер в его бригаде. Быстра, точна, собрана. Для неё каждый вызов — задача, требующая ясности и скорости. Она не подозревает, что в кабине рядом с ней живёт целая вселенная чувств, спрятанная за рулём и привычными репликами. Не замечает, как он ловит каждое её слово, запоминает интонации, ждёт её появления на подстанции, будто самого важного события дня.

Это история о смелости — о том, как долго можно носить в себе слова, перебирать их, шлифовать, бояться произнести — и всё же однажды решиться. О том, как один шаг к ис-

кренности меняет воздух вокруг, делает его легче, прозрачнее, светлее.

Май. Город, просыпающийся после зимы. Улицы, наполненные запахом молодой листвы, цветущих кустов и далёких костров. И один человек, который вдруг решается перестать прятаться за привычным «всё в порядке». Он понимает: даже если ответ ещё неизвестен, сам факт произнесённой правды уже меняет всё.

Он ещё не знает, что будет дальше. Но впервые за долгое время он чувствует: он готов узнать. Добро пожаловать в эту историю.

Тени на спидометре

«В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Но прежде всего — сердце, способное к состраданию».

Антон Чехов

Вот и пришли по-летнему тёплые дни — будто кто-то осторожно приоткрыл дверь в лето, и сквозь неё хлынули потоки золотистого света, рассыпаясь по асфальту, по крышам машин, по усталым лицам тех, кто столько ночей провёл в ожидании вызова, в беготне между больницей и домами, где кто-то нуждался в помощи.

Фельдшеры и врачи нежились в первых лучах солнечного рассвета, словно коты на подоконнике старинного дома, где время течёт медленнее, а каждый миг пахнет лавандой и свежевывытым полом. Лучи скользили по их лицам, разглаживая морщинки усталости, на мгновение превращая суровые черты в черты мальчишек и девчонок, ещё не знающих, что такое тревога и бессонные ночи.

Вокруг подстанции стоял смех — редкий, чистый, звенящий, как стеклянные шарики, рассыпанные по деревянному полу. Он перекачивался от одного к другому, подхватывал слова, делал их легче, воздушнее. Кто-то рассказывал давнюю историю про вызов, который обернулся почти чу-

дом; кто-то вспоминал, как в детстве ловил стрекоз у реки; кто-то просто смеялся — просто потому, что солнце грело спину, а воздух был сладким от запаха цветущей сирени за забором.

Я стоял чуть в стороне, прислонившись к стене подстанции, и смотрел. Смотрел на неё — рыжеволосую фельдшера, что стояла у распахнутой дверцы машины, смеялась и что-то объясняла молодому студенту. Её волосы горели в утреннем свете, как пучок осенних листьев, подхваченных ветром, — то ярко-рыжие, то медовые, то почти золотые, когда луч солнца пробивался сквозь утреннюю дымку.

Я влюблялся в каждое её движение: в то, как она отбрасывала прядь волос за ухо — лёгким, почти небрежным жестом, будто отгоняла назойливую мысль; в то, как слегка наклоняла голову, слушая собеседника, — внимательно, искренне, будто весь мир на мгновение сосредоточился в его словах; в то, как её пальцы ловко застёгивали пуговицу на одежде, а потом машинально оправляли рукав, словно она и не замечала, что делает.

А когда она улыбалась — у меня перехватывало дыхание. Улыбка у неё была такая, будто кто-то зажёл внутри маленький фонарь: сначала загорались глаза — карие, с золотистыми крапинками, потом чуть приподнимались уголки губ, и вот уже всё лицо светилось, словно озаренное изнутри. Она смеялась негромко, но так заразительно, что рядом невольно начинали улыбаться даже те, кто утром проснулся с тяжёлым

сердцем.

Я ловил каждое слово, следил за тем, как шевелятся её губы, как она жестикулирует — не резко, не суетливо, а плавно, выразительно, будто рисует в воздухе невидимые знаки. Её голос звучал, как старая пластинка с джазом: мягкий, чуть хрипловатый, с нотками усталости и одновременно — невероятной теплоты. Казалось, скажи она сейчас: «Пойдём за мной», — и я бы пошёл хоть на край света, лишь бы ещё хоть раз увидеть, как вспыхивают её глаза, когда она смеётся.

Редко когда сотрудники скорой помощи так могли пообщаться — не на бегу, не между вызовами, не с телефоном у уха. Здесь и сейчас время будто замерло, позволив им просто быть: дышать, слушать, улыбаться, чувствовать, как внутри что-то оттаивает. Будто сама жизнь на мгновение сказала: «Тише. Остановитесь. Вот он — момент, ради которого стоит жить».

И они останавливались. Вдыхали. Смеялись. Запоминали.

А я стоял и думал: как странно устроена жизнь. Мы спасаем других, бежим на помощь, суетимся, боремся, а счастье — вот оно, стоит рядом, смеётся, поправляет рыжую прядь, и кажется, что весь мир стал чуть светлее, чуть добрее, чуть более настоящим только потому, что она здесь, сейчас, в этом солнечном утре.

Как это часто бывает, на планшет прилетел вызов: боли в животе. Экран вспыхнул тревожным сигналом, резко обрывав смех и оживлённые разговоры — будто кто-то резко

дёрнул за ниточку, связывающую мир с беззаботным утренним весельем.

Я подъехал к входу на подстанцию. Воздух ещё хранил ночную прохладу, а первые лучи солнца робко золотили крыши соседних домов. Ещё минуту назад здесь царила лёгкая, почти домашняя атмосфера: коллеги обменивались шутками, делились утренними новостями — обычная передышка, миг радости перед началом рабочего дня.

Теперь же всё изменилось. Алиса и Василий сели в машину почти одновременно — так слаженно, словно репетировали этот момент сотни раз. Их лица в один миг стали серьёзными, собранными: веселье осталось позади, впереди ждала работа.

Время было 7 утра, и на этом утренняя тишина и спокойствие прошли. Мир, ещё секунду назад сонный и неторопливый, вдруг ожил, задвигался, зазвучал новыми интонациями — тревожными, но чёткими, как ритм работающего мотора.

Алиса — та самая рыжеволосая девушка-фельдшер. Её волосы, будто всполохи осеннего костра, слегка развевались на ветру, а в глазах, глубоких и внимательных, теперь читалась сосредоточенность. Ещё недавно в них искрилось веселье, а теперь они стали строже, но не потеряли своей теплоты — она всё ещё была там, просто спряталась за профессиональной собранностью.

А Василий — большой, неуклюжий добряк, знающий своё дело. Его массивная фигура казалась неповоротливой, но

стоило начать работу, как движения становились чёткими и выверенными, словно у опытного дирижёра. Он напоминал доброго великана из сказки: на вид могучий и суровый, а внутри — мягкий, заботливый, умеющий найти подход к любому пациенту. Только что он хохотал во весь голос, а теперь уже проверял укладку с инструментами с привычной деловитостью.

Мы выехали с подстанции. Машина плавно тронулась с места, и город начал разворачиваться перед нами, как старая киноплёнка: пустынные утренние улицы, первые прохожие, спешащие на работу, витрины магазинов, ещё закрытые ставнями. Сирена не звучала — пока ещё не время, — но в воздухе уже витало напряжение, ожидание чего-то важного.

Василий проверил укладку с инструментами, привычно пересчитал ампулы, проверил срок годности. Алиса, склонившись над картой планшета, уточняла адрес вызова, что-то тихо отмечала в планшете. Их слаженность была не просто результатом опыта — это была настоящая командная химия, выстроенная годами работы бок о бок: от беззаботного смеха до полной сосредоточенности — всего за несколько секунд.

Дорога петляла между домами, солнце поднималось выше, заливая улицы тёплым светом. Впереди ждал пациент — человек, которому нужна помощь. И где-то там, за поворотом, начиналась новая история: история спасения, заботы и той самой тихой, незаметной, но такой важной работы, ко-

торая каждый день возвращает людям надежду.

Я всегда наслаждался этим моментом поездки до вызова — словно мир на мгновение замирал, даруя нам крошечную передышку перед бурей. В машине негромко играла музыка — какая-то старая мелодия, то ли джаз, то ли блюз, — она струилась по салону, смешиваясь с утренним воздухом, проникавшим через приоткрытое окно.

Алиса открыла окно и высунула руку, словно пыталась поймать этот миг — неуловимый, как бабочка, трепетный, как первый луч рассвета. Миг перед вызовом. Эти секунды тишины, когда время теряет свою власть, а реальность становится чуть более волшебной, чем обычно.

Её рыжие волосы трепал ветер — они переливались всеми оттенками осени: от золотистого, как спелый кленовый лист, до глубокого, огненно-рыжего, будто в них застряли искорки угасающего костра. Она глядела в окно, и на губах её играла лёгкая улыбка — не широкая, не нарочитая, а такая, что заставляла сердце биться чуть чаще. В ней было что-то от детской радости, от чистого, незамутнённого восхищения миром.

Я порой отвлекался на неё, ловил себя на том, что взгляд сам собой тянется к её профилю, очерченному мягким утренним светом. В эти мгновения город за окном превращался в размытую картину — дома, деревья, дорожные знаки сливались в единую полосу, а она оставалась единственной чёткой точкой в этом мире.

Мне нравилось наблюдать, как ветер играет с прядями её волос, как на мгновение они вспыхивают в лучах солнца, будто крошечные языки пламени. Нравилось замечать, как её пальцы слегка подрагивают в такт музыке, как тень улыбки то появляется, то исчезает на губах. И с каждым таким мгновением я ловил себя на мысли, что мне нравится эта девушка — не просто как коллега, не просто как часть команды, а как человек, чьё присутствие делает мир чуть ярче, чуть теплее, чуть более волшебным.

Воздух был пропитан запахом весны — влажной земли, набухающих почек, первых цветов, пробивающихся сквозь прошлогоднюю листву. Где-то вдалеке слышалось пение вернувшихся птиц, их трели вплетались в мелодию, звучащую в салоне. К аромату природы примешивался едва уловимый запах её духов — лёгкий, цветочный, напоминающий о первых тюльпанах, неуловимый, как обещание тепла.

И в эти секунды, пока машина мягко катилась по улицам, пока музыка тихо звучала в динамиках, а Алиса улыбалась чему-то своему, я чувствовал, что жизнь состоит не только из вызовов, тревог и спешки. В ней есть и такие моменты — хрупкие, как лепестки сакуры, драгоценные, как первые тёплые лучи после долгой зимы, — моменты, ради которых стоит жить и работать, даже когда впереди ждёт очередной вызов.

Мы подъехали к пятиэтажке на окраине города — типичному дому из тех, что строились в 70-е: серый бетон, балко-

ны с решётками, выцветшие вывески на первом этаже. На подоконнике второго этажа стоял горшок с геранью — единственный яркий акцент в этой картине.

Алиса и Василий вышли из машины и пошли на вызов — их фигуры на мгновение замерли в дверном проёме, очерченные золотистым светом, а потом растворились в полутени подъезда. Я смотрел им вслед: Алиса шла лёгкой, почти танцующей походкой, а Василий, чуть сутулясь, подстраивался под её ритм — два силуэта, давно научившиеся двигаться в унисон.

А я остался в машине один. Один со своими мыслями, с тихим гулом мотора, с отзвуками той самой мелодии, что играла по дороге сюда. Салон ещё хранил тепло их присутствия, а воздух — едва уловимый аромат духов Алисы, смешивавшийся с запахом резины и металла.

Да... жизнь порой штука такая странная — как весенняя погода: только что светило солнце, а через миг небо затянули тучи. Всё может измениться в любую секунду. Год назад я и не мог представить, что окажусь за рулём машины скорой помощи — тогда мне грезились иные дороги, иные горизонты. Я видел себя где-то в шумных залах редакций, склонившимся над листами бумаги, или бродящим по улицам с фотоаппаратом в руках, ловящим мгновения, которые никто больше не заметит.

А сегодня я уже не могу себя представить без этой машины, без этих улиц, проносящихся за окном, без тревожных

вызовов, нарушающих утреннюю тишину. Без Алисы, которая высовывает руку в окно, пытаясь поймать миг, и без Василия, чьи тяжёлые шаги по салону стали таким же привычным звуком, как тиканье часов.

Я посмотрел на приборную панель: стрелки дрожали на отметках, экран планшета мерцал, ожидая нового сигнала. За окном качались ветви деревьев — почки уже лопнули, выпуская первые клейкие листочки, и ветер разносил по улицам запах пробуждения. Где-то вдали раздавался детский смех, а рядом, в доме напротив, старушка развешивала бельё, и цветные простыни трепетали на ветру, как флаги нового дня.

Всё меняется — и в то же время остаётся прежним. Я больше не тот, кем был год назад, но во мне всё ещё живёт тот мальчишка, который верил, что мир полон чудес. Просто теперь я знаю: чудеса — они не в далёких странах и не на страницах книг. Они здесь, в этих секундах тишины перед вызовом, в улыбке Алисы, в добродушном ворчании Василия, в запахе весны, проникающем в салон, в каждом биении сердца, которое мы спасаем.

И когда вдали раздался сигнал — короткий, настойчивый — я глубоко вдохнул, выключил музыку и приготовился. Мир снова пришёл в движение, а я был частью этого движения, частью чего-то большего, чем просто дорога или работа. Я был частью жизни — той самой, что расцветает каждую весну заново.

Тени лежали на спидометре — тонкие, дрожащие, словно отблески прожитых минут. Они складывались в причудливый узор: тут — тень надежды на жизнь, там — тень радости от спасения пациентов, чуть дальше — едва заметная, но тяжёлая тень утраты. Машина хранила в себе воспоминания обо всём этом: о слезах радости, когда успели, о молчании, более горьком, чем любые слова, при констатации смерти...

Каждый шов на сиденьях, каждая царапина на приборной панели, каждый едва слышный скрип подвески — всё помнило. Помнило сжатые кулаки в момент гонки по пустым утренним улицам, шёпот «держиcь, держиcь» над изголовьем, дрожащие пальцы, проверяющие пульс, и тот миг, когда дыхание выравнивается, а веки дрожат, готовясь открыться.

Порой кажется, что после тяжёлого вызова машина работает так же тихо, как все находящиеся в ней люди. Мотор урчит едва слышно, будто боится нарушить молчание. Стрелки приборов замирают на отметках, словно не решаясь двигаться дальше. Даже воздух внутри становится густым, насыщенным невысказанными мыслями — мыслями о том, что было, и о том, что ещё будет.

Я провёл пальцем по приборной панели. Пыль легла тонким слоем на кожу — обычная пыль, но в ней, кажется, смешалось всё: запах больницы, капли дождя с ветрового стекла, частички чьих-то судеб. В этом есть что-то почти мистическое: как будто сама машина впитывает мгновения, хранит

их внутри, чтобы однажды, в минуту тишины, напомнить — ты был там, ты сделал всё, что мог.

Как сказал Чехов: «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Но прежде всего — сердце, способное к состраданию».

Эти слова будто витали в воздухе салона, смешиваясь с остатками аромата духов Алисы и едва уловимым запахом медикаментов из укладки Василия. Сердце, способное к состраданию... Оно здесь, в этой машине. В руках Алисы, которые умеют быть одновременно нежными и твёрдыми. В тяжёлых шагах Василия, когда он идёт к пациенту — неспешно, но решительно, словно говоря: «Я здесь, я помогу». В моём взгляде... Мы — команда, мы — та самая сила, что встаёт между жизнью и смертью.

За окном распускались листья на деревьях — весна набирала силу. Где-то вдали снова прозвучал сигнал вызова. Машина вздрогнула, будто очнувшись от воспоминаний. Тени на спидометре сдвинулись, открывая цифры. Мир снова пришёл в движение. И мы двинулись вместе с ним — туда, где кто-то ждёт помощи, где чья-то жизнь висит на волоске, где сострадание важнее всего остального. Потому что в этом и есть наша работа: быть там, где нужны, и помнить — даже в самые тёмные минуты свет не исчезает, он просто прячется в тених, ожидая, когда его заметят.

Под вой сирен

Consumor aliis inserviando.

«Как признаться девушке, что она мне очень сильно нравится?» — эта мысль вспыхивала во мне, как первая весенняя молния: яркая, внезапная, почти пугающая.

Она идёт к машине после вызова — вприпрыжку, легко, будто сбросив с плеч весь груз мира. Карие глаза блестят, словно в них отразилось само солнце, а волосы, подхваченные ветром, переливаются оттенками каштана и мёда — будто в них запутались искорки заката.

Её улыбка начинается где-то глубоко внутри и расцветает медленно, как тюльпан на рассвете. В ней — тепло утра, обещание чего-то доброго, неуловимая магия, от которой перехватывает дыхание. За такую улыбку, кажется, можно пройти сквозь дождь и туман, подняться на любую вершину, отыскать потерянные звёзды — просто чтобы увидеть её снова.

Я смотрю на неё через лобовое стекло. Мир на мгновение замирает: улица, деревья, город — всё отступает, остаётся только она, свет и это странное, трепетное чувство, будто сердце вот-вот вырвется наружу.

Алиса открывает дверь, садится рядом. Салон наполняется её присутствием — лёгким, тёплым, живым.

— Ну что, едем дальше? — спрашивает она, и голос звучит, как шелест молодой листвы под весенним ветром.

Я киваю, заводжу мотор. Машина плавно трогается с места, а я всё ещё ловлю отблеск её улыбки. И в этот миг понимаю: может, слова и не нужны сейчас. Может, достаточно просто быть рядом — в этом движении, в этом свете, в этой жизни, которая становится ярче всякий раз, когда она рядом.

Долго ждать вызова не пришлось. Планшет разорвался в криках тревоги — резкий, пронзительный сигнал, будто сама реальность треснула по швам, впуская в наш хрупкий мир неотложную беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.